зряй ея в зерцале белость или черность лица своего усмотряет, или ин некий порок удобно познает и имеяй очи положенны во главе, тщится вред от тела своего истребляти»; «узришися весь, си есть по внешнему человеку глаголю и по внутреннему и многая себе подобия или образцы к духовному своему делательству или художеству, подобне же и к вещному и мирскому спасению изобрящеши».[23]

Таким образом, 1-я четверть XVIII в. стала не просто новым этапом усвоения античного наследия, в эпоху секуляризации античные «приклады памяти достойные» должны были «европеизировать» и заменить старую паренетическую литературу. В том, что «История» Тита Ливия[24] стала «зерцалом прикладов» для «политичного» человека, можно усмотреть специфику восприятия античного наследия в Петровскую эпоху, которое, конечно, не сводилось к простому удовлетворению некой абстрактной любознательности русского читателя.

Новая концепция античного наследия (и именно этический, «прикладной» ее аспект) не вызвала, кстати, всеобщего одобрения — наоборот, известен целый ряд случаев ее активного неприятия.[25] Даже вполне просвещенный М. П. Аврамов в челобитной императрице Елизавете Петровне писал, что в бытность свою при Петре I директором петербургской типографии он просил «у его величества новопереведенных и его величеству от некоторых якобы разумных людей поднесенных Овидиевых и Виргилиевых языческих книжичищ для прочитания и ведения из них о языческих фабулах. И по моему прошению тотчас мне оные книги изволил его величество пожаловать, которые я читал денно и нощно с прилежанием и охотою, и читанием их обезумился».[26] Не случайно и то обстоятельство, что списки новых переводов все же немногочисленны и принадлежат по большей части культурной элите эпохи.

Предложенная трактовка восприятия классической культуры в начале XVIII в.[27] не охватывает, конечно, всех переводных памятников без исключения. Публикуемая ниже «Повесть о Лукиа-

---

[23] Цит. по: *Владимиров П. В.* Великое Зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII в.). М., 1884. С. 53, 51—52.

[24] В «Предисловии к читателю» Симон Кохановский писал, что некоторые «приклады» Юста Липсия, «мнящияся быти не велми потребные, судилося мне за благо от числа прикладов отлучити, а на место их другие нужнейшие в приличной материи от Тита Ливия прилучати» (л. 1, об.).

[25] См.: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 204—285.

[26] Цит. по: *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 262.

[27] В определенном смысле отношение к античности в России начала XVIII в. повторяет ситуацию в польской литературе начала XVII в. как в трактовке античности, так и в репертуаре памятников. «Лукий, или Осел» также был переведен на польский язык в начале XVII в. См.: *Bieńkowski T.* Antyk w literaturze i kulturze staropolskiej (1450—1750). Wrocław, 1976. S. 183—185; *Mikulski T.* Rzeczy staropolskie. Wrocław, 1964. S. 405—422.